

Зубанова Светлана Геннадиевна

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры И-11 «Иностранный язык
для аэрокосмических специальностей»
Института иностранных языков
Московского авиационного института
(национального исследовательского университета)

Зажеко Александр Анатольевич

студент 2-го курса церковно-исторического
отделения магистратуры
Московской духовной академии

ТРАГИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ В 1917–1919 ГГ. В КОНТЕКСТЕ ОБНОВЛЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация:

Статья посвящена историческим событиям Московской духовной академии (МДА), совпавшим по времени со сложными процессами, происходившими в стране и церкви в 1917 г. и после Революции. Дана оценка восприятия преподавателями и студентами академии революции и последовавших изменений, отразившихся как в различных сферах общественной жизни, так и в буднях учебного заведения. Обоснована актуальность вопросов о сложных и неоднозначных взаимоотношениях светской власти и церкви, обновленческого движения (в частности в среде МДА), о роли академии и православия, воспитании и сохранении ценностей населения России, ее культурного наследия и лучших традиций в условиях общественно-политических потрясений и трансформаций. Выявлены последствия событий 1917–1919 гг., оставивших неизгладимый след в деятельности МДА, вовлеченной в общероссийский процесс перемен, в том числе определивших ее будущее. Соответствующие вопросы рассмотрены в статье на основе архивных источников отдела рукописей Российской государственной библиотеки, Центрального государственного архива Москвы и первой общественно-политической газеты Сергиева Посада «Известия Распорядительного комитета Сергиева Посада».

Ключевые слова:

Московская духовная академия, Троице-Сергиева лавра, революция, Сергиев Посад, студенты и преподаватели, новомученики, церковно-государственные отношения, Русская православная церковь.

Zubanova Svetlana Gennadievna

D.Phil. in History, Professor,
Aviation Foreign Languages Department I-11,
College of Foreign Languages,
Moscow Aviation Institute –
National Research University

Zazheko Aleksandr Anatolyevich

Master's Degree student,
Church History Department,
Moscow Theological Academy

THE TRAGIC HISTORY OF MOSCOW THEOLOGICAL ACADEMY IN 1917-1919 IN THE CONTEXT OF CHURCH RENOVATIONISM

Summary:

The study focused on the historical events of Moscow Theological Academy which took place against the background of the state and church complex processes in 1917 and in the post-revolutionary period. The research analyzed the attitude of teachers and students to the 1917 Revolution and further modifications both in various spheres of public life and in the Academy's everyday life. The paper discussed the strained and ambiguous relationship between the church and the secular authority, the church renovationism, the role of the Academy and Orthodoxy, fostering and preserving Russian values, cultural heritage, and traditions in the face of social and political upheavals and transformations. The study identified the repercussions of the events of 1917-1919 that had a strong impact on the activities of Moscow Theological Academy involved in nationwide changes and determined its future. The research was based on the materials of the Manuscripts Department of the Russian State Library, the Central State Archives of Moscow, and the first social and political newspaper of Sergiev Posad entitled Izvestia Rasporядitel'nogo Komiteta Sergieva Posada.

Keywords:

Moscow Theological Academy, Trinity Lavra of St. Sergius, revolution, Sergiev Posad, students and teachers, new martyrs, state and church relations, Russian Orthodox Church.

В настоящее время исследовательский интерес представляют достоверные источники, помогающие раскрыть сущность вопросов о том, каким образом отразились на жизни Московской духовной академии (МДА) негативные процессы внутри Русской православной церкви (РПЦ) и в ее отношениях с государством, происходившие вследствие революционных перемен 1917 г. В числе главных источников – воспоминания профессоров МДА, на основе которых создано «общее коммуникативное “поле исторической науки”» [1], а также впервые приведенная в нашем обзоре газета «Известия Распорядительного комитета Сергиева Посада» (издавалась в 1917 г.).

Актуальность обращения к данному историческому периоду обоснована, во-первых, тем обстоятельством, что история МДА, хотя и привлекала внимание многих исследователей, но по-прежнему не изучена в полном объеме. Во-вторых, интерес к соответствующей теме объясняется событиями нашего времени, происходившими в религиозной среде Украины, антиконституционными поступками ее политических лидеров и принятыми антиканоническими решениями

Константинопольского патриарха. Третья причина обращения к этой теме – важность публикаций, посвященных богословскому образованию в России и его истории, необходимость найти для него «определенные постсекулярные “средние пути”, где мораль, религиозные ценности и светские свободы, а также научно обоснованные добродетели будут дополнять друг друга посредством богословия» [2], а не вступать в противоречие между собой.

XX век – один из самых драматичных в истории страны этапов в отношениях государства и церкви. Сокрушительным ударом для сложного и противоречивого государственно-церковного взаимодействия и для внутрицерковных процессов послужили события 1917 г. В частности, Февральская революция стала точкой отсчета для мощного процесса многогранных разрушительных перемен. Время от февраля к октябрю – особый период в истории России. В нем выделяются два этапа. На первом (март – начало июля 1917 г.) существовало двоевластие, при котором Временное правительство вынуждено согласовывать свои действия с Петроградским Советом, обладавшим поддержкой широких народных масс, а также реальной военной силой. На втором этапе положение дел иное. По свидетельствам современников, «Сергиев Посад... Февральскую революцию встретил восторженно; она здесь приняла выраженный демократический характер, сохранившийся еще долго после Октябрьских дней» [3, с. 5].

РПЦ, оказавшись перед чуждыми для нее духовными ценностями, неединодушно реагировала на изменения, происходившие в обществе и государстве. После Февральской революции 1917 г. в русском православии возникло движение, названное обновленчеством, так как оно было направлено на обновление церкви. Молодежь не могла оставаться в стороне от происходившего в стране и в церковной жизни, равно как и в МДА, которую профессор А.И. Осипов называет «родоначальницей роскошного и плодоносного древа образования и воспитания многих и многих поколений русских людей» [4, с. 4].

РПЦ в 1917 г. признала катастрофические перемены в стране, руководствуясь тем, что «всякая власть от Бога». Она надеялась на возможность использования политических перемен в своих интересах. Многие епархии находились в состоянии торжества «церковной демократии», и наиболее «революционные» из них поддерживали создание обновленческой церковной организации. Церковная «революция» предполагала не назначения, а выборы епархиальных архиереев со значительным ограничением их власти; устранение с кафедр неугодных светской власти архипастырей; ограничения для монашествующих и максимальное расширение прав белого духовенства, зачастую в ущерб церковности и каноническому праву; создание Союзов духовенства с участием гражданского населения; поддержку так называемыми обновленцами учреждения в России демократической республики и приветствие Временного правительства; гонения духовенства со стороны прихожан. Вместе с тем тотального уничтожения духовенства в данный период не наблюдалось, но участились случаи ухода священнослужителей из церкви.

Позитивный настрой части духовенства и мирян по отношению к новой власти объясняется тем, что в церковной среде отмечалось стремление избежать репрессии и сохранить церковь в трудных условиях сокращения ее жизненного пространства: закрывались храмы, монастыри и духовные школы. Первыми декретами Совета народных комиссаров национализировались церковные и монастырские земли. Церковь лишалась юридического лица, духовенство – сословных преимуществ, церковные браки – юридической силы. Конфисковывали церковное имущество и банковские счета, священнослужителей отстраняли от воспитания и обучения народа.

Не все и не сразу поняли, что решение церковной иерархии поддержать Февральский переворот 1917 г. и одобрить в послании деятельность Временного правительства – это трагическая ошибка, неспособность реально оценить угрозу, исходящую для церкви от революции. Обстоятельную и объективную оценку случившемуся дал в своей работе архиепископ Евгений (Решетников): «...Россия рухнула в бездну – отчасти в результате обмана, отчасти в силу иллюзий, отчасти из-за неумения объективно оценить все опасности» [5, с. 22]. После Февральской революции 1917 г. комиссия из представителей МДА разработала проект нового устава академии, одобренный Поместным Собором РПЦ (1917–1918). Устав предусматривал восстановление принципа выборности, открытый характер преподавания, допущение женщин в качестве вольнослушательниц, введение более узкой специализации.

С установлением советской власти изменились условия деятельности МДА. О событиях 1917 г. немало сведений представлено в дневнике профессора академии А.Д. Беляева под названием «Печально что-то и страшно». Он писал о том, что В.И. Ленин призывает народ к разграблению аристократии, и правительство его не арестует, а приверженцев монархии арестовывает «из подлого страха что ли, или под давлением рабочих – этих хамов». По поводу митингов на Воскресенской площади профессор восклицал: «Проклятые флаги! С врагов не нужно-де взыскивать провинции и контрибуции, а у своих братьев можно и будто бы даже должно отнять землю, капиталы, разделить поровну. Вот так хамская логика!» [6, с. 35]. Несмотря на революционные перемены, академия, являясь образцовым учебным заведением РПЦ, продолжала сохранять лучшие традиции: преданность науке, чистой христианской вере, взаимное доверие и доброжелательность, внимание преподавателей к студентам [7, с. 448].

28 февраля в офицерской среде местного 29-го полка Сергиева Посада появились сведения о событиях в Петрограде. 1 марта слухи нашли подтверждение среди студентов МДА, которые «наспех сговорились выйти на утро с манифестацией» [8, с. 1]. Вместе с ними вышла на улицы Посада обывательская толпа и «под их руководством всех звала праздновать торжественный день» [9]. С учетом событий, описанных на страницах местной газеты, командир полка и офицеры сразу признали себя и солдат гражданами «новой России» [10, с. 3]. «Надоумленные студентами, они догадались, что для нас сейчас особенно интересно, и отцы города – наше Собрание уполномоченных (в нем вместо 15, как требует закон, теперь 9 человек), – решили, что вместо исчезнувшей полиции надо кому-нибудь поддерживать внешний порядок в городе, оградить безопасность жителей и имущества от возможных покушений, что для улаживания обострившегося к тому времени до крайности продовольственного вопроса, а также вообще для руководства городской общественной жизнью в духе нового демократического строя нужно собрание представителей не домовладельцев только и купцов, какими были они сами, а всех слоев – и богатых и бедных, и ученых и неученых, что нужно больше людей и людей новых, которым бы все население Посада поверило и спокойно могло доверить общее ведение дел. Так вышло, что почин образования Распорядительного комитета принадлежал старому Собранию городских уполномоченных» [11, с. 1].

Факты, подтверждающие сложность обстановки, можно обнаружить в дневниковых записях профессора МДА А.Д. Беляева об участии студентов академии в событиях Февральской революции 1917 г. на местном уровне: «Пришел студент третьего курса Садиков [12], отпущенный по нездоровью из солдат, с белой повязкой на левом рукаве. Оказывается, он исполняет должность городского. Назначенные Временным правительством для поддержания порядка носят белую повязку. Как все сразу изменилось! По словам студента, вчера была толпа около Думы в несколько тысяч. По адресу полицмейстера раздавались угрозы, конечно, от недовольных им. Например, он подверг аресту на три дня лавочника Сысоева, и тот стал говорить, что и полицмейстера следует арестовать на три дня. Впрочем – беспорядков не было. Пока все спокойно. Ныне жизнь течет как всегда... У обедни в Троицком соборе обыкновенное число молящихся» [13]. Студенты отказались писать третье сочинение, «да и на лекции им ходить некогда, потому что они в милиции, с белыми повязками на рукаве...» [14].

В марте 1917 г. происходили выборы в Сергиевом Посаде нового городского руководства. Выбран Распорядительный комитет, сменивший Собрание уполномоченных, затем открыто первое рабочее заседание. Однако продолжала существовать городская Дума, считавшая себя бесспорной законной властью, как избранная населением. На улицах города местные жители чаще замечали объявления с подписью «Распорядительный комитет». Но первые несколько недель после учреждения данного аппарата местной власти горожане не могли разобраться и не понимали смысла его назначения. В состав образованного комитета вошли разные слои населения: представители от большинства учебных заведений, от студентов академии и университета, правительственных учреждений, казначейства, почты, от местных потребительских обществ, профессиональных союзов, артелей и мелких промышленных предприятий, медицинского персонала, торговцев, рабочих, приказчиков, офицеров полка и Собрания городских уполномоченных, председателем которого избран И.М. Озеров, помощник городского старосты. В конце марта 1917 г. в Распорядительный комитет от МДА вошли профессор М.М. Тареев, И.В. Попов и А.П. Орлов. От учащихся этой академии – А.С. Золотницкий, А.Х. Попов, Н.П. Воздвиженский и священник Красотин. От Освященного Собора Лавры – один представитель по назначению с правом совещательного голоса. Распорядительный комитет приобрел среди населения Сергиева Посада особый авторитет, поскольку, как отмечает автор В.М. Балясников, «его поддерживала и Лавра в лице архимандрита Кронида» [15, с. 5].

20 марта 1917 г. вышел в свет первый номер «Известий Распорядительного комитета Сергиева Посада» [16], который стал рупором постановлений Временного правительства и распоряжений местной власти в соответствующем городе на ближайшие несколько месяцев. Не случайно в первом номере «Известий» опубликована статья о цели, назначении и деятельности Распорядительного комитета. Редактором газеты назначен профессор МДА И.В. Попов.

Отношение насельников Лавры к новому городскому управлению сначала было достаточно мирным и дружелюбным. В Крестопоклонную неделю, 5 марта 1917 г., в Трапезном храме отслужили молебен, перед этим священник прочел доклад о действиях Временного правительства. Затем наместник, архимандрит Кронид, обратился с речью к военнослужащим и «призвал подражать Пожарскому и Минину, иметь смирение и кротость, а главное – просить помощи у Бога» [17]. Храм был наполнен солдатами, которые пришли со знаменами, на что обратил внимание профессор А.Д. Беляев: «Многие солдаты с красными бантиками. Даже подполковник с красным бантом. Банты красные, а лица будто бы не очень веселые. Не чует ли сердце беду?» [18]. Участниками и свидетелями происходившего стали преподаватели и студенты академии. В конце марта комиссаром Сергиева Посада назначен земский врач Н.А. Королев, который, по замечанию профессора А.Д. Беляева, был «революционером» [19].

Между тем события 1917 г. начинают отрицательно влиять на жизнь МДА. 13 марта смещен с поста ректора епископ Феодор (Поздеевский), а редактором «Богословского вестника» вместо священника Павла Флоренского назначен профессор М.М. Тареев. Общий настрой для всех духовных учебных заведений в этот период можно охарактеризовать как пребывание в состоянии протеста и ожидания перемен. Массовые протесты студенчества сопровождались письмами с требованиями в Синод, митингами, плакатами с критическими лозунгами в адрес администрации, вплоть до погромов имущества, а иногда и физического вреда. В МДА всеобщее недовольство проявилось в деле о снятии с должности ректора епископа Феодора (Поздеевского). Этому предшествовали значительные изменения, связанные с увольнением числа преподавателей, которые вызывали негативную реакцию у студенчества. Одно из нашумевших разбирательств – увольнение профессора И.М. Громогласова, что привело к огромному недовольству в Совете академии. За годы ректорства епископа Феодора уволен не только И.М. Громогласов, но и немало профессоров. Среди них – В.П. Виноградов, А.И. Покровский, Д.Г. Коновалов и др. Ввиду этих и иных назревших проблем для проведения ревизии в учебное заведение направили профессора Петроградской духовной академии Б.В. Титлинова. Новости, конечно, вышли за пределы стен МДА и быстро распространились в небольшом городке, стали предметом разного толка и слухов среди населения. В «Известиях» появилась серия публикаций.

3 марта состоялась студенческая сходка, по итогам которой участники решили отправить депутацию к обер-прокурору Синода В.Н. Львову, изложив свои требования и пожелания. На этой же сходке Совету студентов поручено выработать инструкцию для депутации. Основные требования заключались в следующем: «Немедленное удаление ректора академии епископа Феодора; автономия академии, т. е. самоуправление ее с выборным из профессоров начальством» [20, с. 2]. В качестве пожелания выдвинуто предложение о переводе академии в Москву. Вскоре делегация от студентов принята обер-прокурором. Действия епископа Феодора представлены как «противника преобразований, единства и сплоченности студенчества, угнетателя студенческой свободы и патриотизма», но самое главное, как «идейного приверженца старого строя» [21].

По прибытии 11 марта 1917 г. профессора Петроградской духовной академии Б.В. Титлинова, отличавшегося либеральными взглядами, выявлено множество недочетов и упущений в хозяйстве МДА, а также обнаружена «полная разруха в академической жизни, явившаяся следствием ректорского режима (способа управления)» [22, с. 2]. После ревизионных разбирательств владыка Феодор отправился на прием к обер-прокурору для оправдания своих действий, но в итоге получил довольно снисходительные и размытые указания: «Академии остаются при старом уставе впредь до проведения нового» [23, с. 2]. Однако студенты не сдавали позиций и стояли за отстранение епископа Феодора от ректорства, хотя и ничего не имели против, как они сами заявляли: «Ничего против как епископа... Как епископ, он может оставаться в академии и служить в академическом храме... Но не можем видеть епископа Феодора ректором академии после всего происшедшего» [24].

После проверки административно-хозяйственных дел епископ Феодор отстранен от управления академией. Но он продолжал ею управлять, что очевидно из требований Совета студентов МДА к Совету профессоров о принятии необходимых мер для удаления епископа Феодора [25, с. 36]. Владыка обещал сдать ректорские обязанности инспектору архимандриту Илариону, но слово не сдержал и «даже совершенно отрицал то, что он давал подобные обещания» [26, с. 2]. Вечером епископ Феодор сдал свои полномочия архимандриту Илариону и согласился служить в академическом храме «не как полномостный хозяин, чего он домогался, но только как епископ» [27].

Еще одно провокационное событие со стороны академического студенчества связано с именем архимандрита Илариона. Студенты пожелали, чтобы архимандрит Иларион 19 марта в зале академии прочел лекцию в пользу приюта Святителя Алексия, митрополита Московского, для беспризорных детей. Студенты вместо заявленной темы лекции воспользовались именем архимандрита Илариона и выпустили афишу-анонс с лозунгами «Дни освобождения – дни радости», «Узы разорваны», «Солнце правды восходит». Все это, как следует из дневниковых записей профессора А.Д. Беляева, «крупными буквами», а также призыв: «Граждане! Приходите на лекцию профессора Илариона 19 марта в пользу будущих свободных граждан, свободной России» [28].

Вскоре в академии разразился еще один скандал, вызванный деятельностью лаврского начальства, и не без участия епископа Феодора. По информации, обнаруженной в «Известиях», после описанных событий епископ Феодор, архимандрит Кронид и митрополит Макарий попали под домашний арест за попытку опубликовать в Лаврской типографии протест последнего по поводу его вынужденного ухода в отставку с московской кафедры. Составление воззвания митрополита Макария приписывали епископу Феодору. Однако владыка в своих показаниях в отделе милиции заявил прапорщику Чижову, «что он давал Высокопреосвященнейшему Макарию справки канонического свойства (из правил Святых Соборов и отцов)» [29, с. 1]. Между тем содержание и стиль написания воззвания выдавали его автора, на что неоднократно указывала ревизионная комиссия.

Не менее интересно происходило изъятие содержащих антиреволюционную тематику «Троицких листков», составленных наместником архимандритом Кронидом. Он планировал их раздать к Пасхе «вместо пасхальных яиц» [30, с. 1]. Идея архимандрита частично была реализована. «Троицкие листки» распространили среди больных в госпитале и в монастырской лавке, но после приезда обер-прокурора их тут же изъяли. Ввиду беспрецедентных случаев в Сергиев Посад прибыл обер-прокурор В.Н. Львов. Помимо разбирательства дела с напечатанным в Лавре воззванием митрополита Макария он уделил внимание и другому вопросу. При посещении МДА обер-прокурор обратился к собравшимся в профессорской комнате с речью, «выразив радость, что ему приходится лично беседовать со студентами той академии, в которой он слушал лекции; говорил о революции, необходимости переворота и об освобождении церкви от «распутинской грязи»» [31, с. 1]. Высказал мнение и по поводу епископа Феодора: «Епископ Феодор был у меня и весьма меня разжалобил. Я дал ему письмо, которым он, к сожалению, злоупотребил. Даю вам слово: ректором академии он не будет» [32]. После выступления состоялась беседа обер-прокурора со студентами. По окончании ее студент четвертого курса Н.А. Соловьев, обращаясь к обер-прокурору, указал на то, что «студенты, как граждане, честно исполняют свой долг перед родиной, а как питомцы академии охотно пойдут на служение церкви, потому что не будет теперь тлетворного влияния, которое душило всякое проявление свободного духа» [33, с. 1]. На прощание обер-прокурор сказал: «Я убежден, что теперь молодые силы не будут гибнуть напрасно, а все целиком пойдут на служение родной стране. В этом я вам клянусь!» [34]. В.Н. Львов удалился под громкий звук аплодисментов, а уходя из профессорской комнаты, пожал руку каждому студенту.

2 мая 1917 г. в Совет МДА от обер-прокурора В.Н. Львова поступила телеграмма, в которой сообщалось: «Епископ Феодор от ректорства академии уволен» [35]. Исполняющим обязанности ректора назначили инспектора МДА архимандрита Илариона (Троицкого). Итак, май ознаменовался неприятными событиями в Сергиевом Посаде. К тому же усугубляло ситуацию критическое положение с продовольствием. 10 мая состоялось одно из первых волнений среди горожан по причине голода. В июле 1917 г. наступили «трудные и голодные дни» [36, с. 36].

Тяжелое положение в городе отражалось на жизни студентов академии, обращавшихся в Лавру с просьбой об оказании им денежной помощи для продолжения образования. Например, первокурсники Николай Ильин, Иван Антушев и Порфирий Крылов подали прошение о назначении им от Лавры денежной помощи в Духовный Собор, который одобрил это прошение и определил назначить вышеперечисленным студентам денежное вспомоществование на четыре года, т. е. на весь срок обучения: «по 350 р. каждому в первый год, а остальные три года по 300 р.» [37].

2 июня 1917 г. на имя ректора академии, архимандрита Илариона, прислан Указ из Святейшего Правительствующего Синода: «Святейший Правительствующий Синод Российской православной церкви слушали представление Вашего Высокопреподобия от 3 мая 1917 г. с ходатайством Совета названной академии о возвращении бывшим преподавателям академии Илье Громогласову и Александру Покровскому звания экстраординарного профессора и Дмитрию Коновалову звания доцента академии, с предоставлением им права участвовать в заседании Совета академии и читать лекции по предметам их специальности» [38]. Приказом Совета академии от 27 мая 1917 г. профессоров восстановили в звании [39].

В августе 1917 г. в стены академии переведены эвакуированные из Петрограда сокращенные курсы Офицерской электротехнической школы. Возник вопрос о размещении курсов в зданиях, принадлежащих академии, часть из них освободились вследствие предшествовавших событий. В Совет Правления МДА поступило отношение от комиссара Сергиева Посада от 23 августа 1917 г., на основании которого «академией отведены для сокращенных курсов Офицерской электротехнической школы студенческие помещения Инспекторского корпуса и шести комнат в первом и втором этажах Классного корпуса» [40]. Однако обучающихся офицеров прибыло больше указанного количества. Ввиду этого начальник Офицерской электротехнической школы подал отношение о возможном размещении учащихся курсов и преподавателей в помещении лазарета при духовном учебном заведении. Совет академии определил для размещения прибывших преподавателей и учащихся «четыре комнаты заразного отделения академической больницы» [41]. Позднее в академии возникла финансовая проблема. Не хватало денег на содержание и ремонт отопительной станции. Электротехническая школа, переехавшая из Петрограда, взяла на себя эти расходы. Решением Совета Правления МДА станция переходила во временную эксплуатацию электротехнической школы [42].

Начало осени 1917 г. ознаменовано событием по случаю избрания ректора академии. На эту должность избран профессор А.П. Орлов, и практически сразу после избрания его рукоположили в сан протоиерея [43, с. 23]. Осенью 1917 г. учебное заведение переживало острый дефицит денежных средств на свое содержание, о чем свидетельствуют отчеты Совета Правления МДА [44]. На заседании Правления принято решение «изготовить ассигновку в сумму 5 032 р. на имя исполняющего обязанности эконома академии священника Константина Любомудрова» [45].

Руководство МДА обратилось в Московскую казенную палату с просьбой о выдаче кредита. Соответствующее разрешение было получено. Однако и этим источником средств недолго пришлось пользоваться, так как в начале 1918 г. новое правительство заблокировало счета учебного заведения. Решением Собрания Правления академии «ввиду острейшей нужды в наличных деньгах и невозможности в настоящее время добыть их путем, указанным в определении Святейшего Синода» [46] необходимые средства занимают у сергиево-посадского купца Г.В. Когтева в размере «двадцать пять тысяч рублей под вексель, на трехмесячный срок, с уплатой денег из кредитов, отпущенных Святейшим Синодом» [47].

Последним событием перед Октябрьской революцией 1917 г. стал перевод некоторых студентов из Петроградской академии в число студентов МДА. 2 октября 1917 г. подписан указ Святейшего Синода по ходатайству Совета Петроградской духовной академии: «Ввиду обстоятельств переживаемого времени разрешить студентам Петроградской духовной академии, выразившим желание, в 1917/1918 учебном году заниматься в других академиях, с принятием таковых студентов на соответствующие курсы и предоставлением им назначенных в прошлом году в Петроградской академии стипендий» [48]. Далее слушали отношение Петроградской академии о зачислении студентов «первого курса Сергия Светозарского и Алексия Щеголева, второго курса – Василия Звездына, Алексия Ноздрукова, Василия Соколова, Владимира Троицкого, Евдокима Федулева, третьего курса – Николая Дьякова и выдаче стипендий по сто двадцать пять рублей каждому» [49].

16 ноября 1917 г. чтение лекций прекращено. Экзамены проведены в ноябре – декабре 1917 г., в июне – августе 1918 г., когда МДА закончил 74-й курс (набор 1915 г.) [50, с. 26]. В 1917–1918 гг. 12 преподавателей и студентов МДА погибли мученической смертью за веру и церковь. Позднее они причислены к новомученикам, пострадавшим за истину. Данный факт в значительной степени определяет духовное состояние МДА в революционное время.

Декретом от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» запрещено «преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях». Однако в постановлении Народного комиссариата юстиции от 24 августа того же года разрешалось преподавание религиозных вероучений в «специально богословских» учреждениях. Духовные учебные заведения лишались своих зданий в пользу гражданских школ. В 1918 г. в МДА прошел последний набор абитуриентов, 25 июня издан Указ ректора МДА о правилах приема в число студентов на 1918/19 учебный год [51].

Как следует из ряда источников, новый учебный год начался в стесненных обстоятельствах и в плане бюджета, и в плане учебного пространства, значительная часть которого занята Высшей инженерной школой, эвакуированной из Петрограда в начале 1918 г. Отсутствовали средства, необходимые для выдачи зарплаты преподавателям [52]. Весной 1919 г. прекратились занятия, академия закрылась, фундаментальная библиотека объявлена филиалом Румянцевского музея, религиозные книги не выдавались. 11 июня 1919 г. на Совете МДА принято решение о переносе ее деятельности в Москву с сохранением юридического пребывания в Посаде [53]. Некоторые из профессоров продолжали заниматься со студентами на дому и готовили к защите курсовые сочинения вплоть до 1922 г. Православная Народная академия богословских наук, организованная 24 июля 1918 г. по благословию патриарха Тихона и возглавлявшаяся ректором, протоиереем Н. Боголюбским, существовала примерно до 1921 г. В ее работе приняли участие многие ученые (И.М. Громогласов, Н.Д. Кузнецов и др.), а число студентов достигало 225 человек [54].

В дальнейшем неоднозначная ситуация, в которой оказалась МДА, усугублялась отсутствием денег. Студенты чаще обращались за финансовой помощью к лаврскому начальству. Расчетные ведомости Совета Правления академии свидетельствуют об отсутствии возможности оплачивать труд преподавателей. Студенты писали прошения в Совет Правления об оставлении обучения в академии с последующим восстановлением, если наступят благоприятные времена. Однако их мечтам не дано осуществиться. После Октябрьского переворота 1917 г. Лавра закрыта. В 1919 г. прекращает свою деятельность и академия, просуществовав чуть больше года. Духовное учебное заведение закрыли с экспроприацией всего имущества. Формально считалось, что МДА переведена в Москву, где сохранялось некоторое ее подобие в виде богословских пастырских курсов, занятия со студентами «частным порядком» проводились до конца 1920-х гг.

Таким образом, картина происходивших событий, связанных в том числе и с жизнью академии в трагический и противоречивый период отечественной истории, представляется очевидной. Со стороны местной власти не проявлялось давления и отрицательного отношения, за исключением некоторой предвзятости в городской прессе. Студенты чаще, чем их наставники, выражали недовольство и протесты, выходявшие за пределы учебного заведения на всенародное обозрение. Дефицит продовольствия и финансов, голод, другие негативные явления в жизни страны, как следствие, отражались и на буднях МДА. Октябрьскую революцию академия встретила, находясь в чрезвычайно сложном положении, хотя ее функционирование всячески поддерживалось до последних дней существования. Весной 1919 г. она ликвидирована.

Изучение исторических фактов, изложенных на основе архивных документов, позволяет сделать вывод о том, что новая власть целенаправленно стремилась прекратить деятельность церкви. Вместе с тем РПЦ в новых исторических условиях столкнулась с необходимостью заново формулировать основы самовосприятия в нерелигиозном и враждебном окружении, защищать себя, выстраивать отношения с государством, не признающим ее духовно-нравственный авторитет. Вместе с тем логический анализ позволяет объективно оценивать исторический процесс, который должен рассматриваться в совокупности других свидетельств прошлого, обстоятельств того времени.

Обратимся к фактам и статистическим данным из истории МДА предреволюционного периода [55, с. 6]. Известно, например, что в академии на каждом курсе находились от 6 до 10 классовых наставников – воспитателей, трудившихся над религиозно-нравственным, образовательным, патриотическим и художественным воздействием на учеников [56]. Дореволюционные статьи «Богословского вестника», сохранившиеся в архиве МДА, описывают кропотливую и неустанную практическую работу классовых воспитателей в духовно-учебных заведениях [57], что нельзя не учитывать при оценке студентов, настроенных на революционные преобразования. Логика исторических событий, их противоречивый водоворот способствовали тому, что МДА оказалась втянутой в общероссийский процесс перемен, невозможно было оставаться от них в стороне. При этом за 100 лет после описанных нами событий академия выпустила около 1 000 выпускников. В ее стенах трудились также преподаватели и обучались студенты, претерпевшие в советский период мученический подвиг за веру. Собор новомучеников академии составляет 65 человек и продолжает расти. В частности, из более чем 100 архиереев (четвертая часть из них приходится на начало XX в.) 28 приняли мученическую кончину, т. е. практически все [58, с. 7]. Такое количество святых из числа насельников МДА говорит о том, что воспитание осуществлялось деятельно и приносило достойные плоды. Продолжая традиции МДА, ее новый ректор архиепископ Амвросий устанавливает высокую планку профессиональной квалификации будущих священников, являющихся сегодня студентами академии: «Русской церкви дня завтрашнего как воздух будут нужны священники, обладающие широким современным кругозором, умеющие стратегически мыслить и принимать здравые и взвешенные решения, приученные размышлять и анализировать, дерзновенные и масштабные в своих целях и непреклонные в их реализации...» [59]. Владыка Амвросий учит употреблять все силы и все время, отпущенное студентам в стенах учебного заведения, «чтобы стать орудиями, через которые Господь изливает любовь в этот мир».

Таким образом, история МДА дает нам «поучительные картины духовной борьбы и самоуспокоенности, научного подвига и мертвой схоластики, взлетов и падений, горячей веры и губительной теплохладности» [60, с. 17]. Только при объективном взгляде на непростые, неоднозначные отношения светской власти и обновленческого движения в РПЦ (в частности, в среде МДА) можно оценить значительную роль образцового духовного учебного заведения в жизни России и вселенского Православия.

Ссылки и примечания:

1. Лютко Е.И. Историческое исследование в Духовной академии в 1840–1870 гг. // История : электронный научно-образовательный журнал. 2017. Т. 8, № 3 (57). <https://doi.org/10.18254/S0001592-0-1>.
2. Modern Theological Education in Russia European Experience and Development Prospect / I.M. Faizrahmanov, Z.T. Tanatarova, L.M. Allanina, E.I. Sukhova, E.A. Pogrebinskaya // European Journal of Science and Theology. 2018. Vol. 14, no. 6. P. 183–193.
3. Лавра и советская власть // Трудовая неделя. 1920. № 13 (88). 30 марта. С. 5–6.
4. Осипов А.И. Три века Московской духовной академии // Богословский вестник. 1996. № 2. С. 4–18.
5. Решетников Е. Московская духовная академия в 1917–1918 учебном году: на пути к мученичеству // Там же. 2017. Т. 26–27, № 3–4. С. 21–41.
6. Одинцов М.И. «Печально что-то и страшно». Впечатления и размышления профессора Московской духовной академии А.Д. Беляева. Январь – март 1917 г. // Исторический архив. 2007. № 5. С. 3–38.
7. Голубцов С. Московская духовная академия в революционный период (1917–1927) // Богословский вестник. 2010. № 11–12. С. 443–509.
8. Возникновение Комитета // Известия Распорядительного комитета Сергиева Посада. 1917. № 1. 20 марта. С. 1.
9. Там же.
10. Действия и распоряжения местной власти // Трудовая неделя. 1919. № 1 (24). 1 янв. С. 3.
11. Возникновение Комитета.
12. Садиков Николай Федорович, имя и отчество установлено по: Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 229. Оп. 3. Д. 981. Л. 3.
13. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 19.
14. Там же. Л. 21.
15. Балясников В.М. Радонежье. 1917–1929 гг. Историко-социологическая реконструкция : монография. М., 2005. 173 с.
16. Известия Распорядительного комитета Сергиева Посада. 1917. № 1. 20 марта.
17. ОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 20.
18. Там же. Л. 21.
19. Там же. Л. 22.
20. В Духовной академии // Известия Распорядительного комитета Сергиева Посада. 1917. 6 апр. № 4. С. 2.
21. ЦГАМ. Ф. 229. Оп. 3. Д. 982. Л. 4.
22. События в Троице-Сергиевой лавре // Известия Распорядительного комитета Сергиева Посада. 1917. № 5. 14 апр. С. 2.
23. В Духовной академии. С. 2.

24. Там же.
25. Голубцов С.А. Московская духовная академия в революционную эпоху. Академия в социальном движении и служении в начале XX в. М., 1999. 247 с.
26. В Духовной академии. С. 2.
27. Там же.
28. ОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 24.
29. События в Троице-Сергиевой лавре // Известия Распорядительного комитета Сергиева Посада. 1917. № 5. 14 апр. С. 1.
30. Обер-прокурор св. Синода В.Н. Львов в Сергиевом Посаде // Там же. № 6. 18 апр. С. 1.
31. Обер-прокурор св. Синода В.Н. Львов в Сергиевом Посаде (продолжение) // Там же. № 7. 28 апр. С. 1.
32. Там же.
33. Обер-прокурор св. Синода В.Н. Львов в Сергиевом Посаде (продолжение) // Там же. № 8. 2 мая. С. 1.
34. Там же.
35. ОР РГБ. Ф. 172. К. 48. Ед. хр. 6. Л. 38.
36. Голубцов С.А. Московская духовная академия ... С. 36.
37. ОР РГБ. Ф. 172. К. 126. Ед. хр. 28. Л. 80.
38. Там же. К. 48. Ед. хр. 6. Л. 3.
39. ЦГАМ. Ф. 229. Оп. 3. Д. 983. Л. 5.
40. ОР РГБ. Ф. 172. К. 126. Ед. хр. 28. Л. 74.
41. Там же. Л. 76.
42. Там же. Л. 81.
43. Решетников Е. Указ. соч. С. 23.
44. ОР РГБ. Ф. 172. К. 126. Ед. хр. 28. Л. 77–79.
45. Там же. Л. 80.
46. Там же. Л. 92.
47. Там же. Л. 93.
48. Там же. Л. 97.
49. Там же.
50. Решетников Е. Указ. соч. С. 26.
51. Центральный государственный исторический архив Москвы (ЦГИАМ). Ф. 229. Оп. 3.
52. Там же. Д. 981. Л. 2.
53. Там же. Оп. 4. Д. 5058. Л. 30–31.
54. Козлов М., Федоров В.А. Академии духовные православные в России // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2000. Т. 1. С. 349–352.
55. Верейский Е. Духовно-нравственное воспитание на примере Московской духовной академии // Духовно-нравственная культура в высшей школе : материалы XXIII Международных образовательных Рождественских чтений. М., 2015. 475 с.
56. ОР РГБ. Ф. 172. К. 105. Ед. хр. 4.
57. Там же. К. 85. Ед. хр. 20.
58. Верейский Е. Указ. соч. С. 7.
59. Ректор МДА архиепископ Амвросий: я вернулся домой [Электронный ресурс] // Сайт Курской православной духовной семинарии. 2018. 4 сент. URL: <http://kurskpd.s.ru/articles/rektor-md-a-arkhiepiskop-amvrosiy-ya-vernul-sya-domoy/> (дата обращения: 17.03.2019).
60. Осипов А.И. Указ. соч. С. 17.

References:

- 'Actions and Orders of Local Authorities' 1919, *Trudovaya nedelya*, Jan. 1, no. 1 (24), p. 3, (in Russian).
- Balyasnikov, VM 2005, *Radonezh. 1917-1929 Historical and Sociological Reconstruction: a monograph*, Moscow, 173 p., (in Russian).
- 'Chief Prosecutor of the Holy Synod V.N. Lvov in Sergiev Posad' 1917, *Izvestiya Rasporyaditel'nogo komiteta Sergiyeva Posada*, Apr. 18, no. 6, p. 1, (in Russian).
- 'Chief Prosecutor of the Holy Synod V.N. Lvov in Sergiev Posad (continued)' 1917, *Izvestiya Rasporyaditel'nogo komiteta Sergiyeva Posada*, Apr. 28, no. 7, p. 1, (in Russian).
- 'Chief Prosecutor of the Holy Synod V.N. Lvov in Sergiev Posad (continued)' 1917, *Izvestiya Rasporyaditel'nogo komiteta Sergiyeva Posada*, May 2, no. 8, p. 1, (in Russian).
- 'Events in the Trinity-Sergius Lavra' 1917, *Izvestiya Rasporyaditel'nogo komiteta Sergiyeva Posada*, Apr. 14, no. 5, p. 2, (in Russian).
- Faizrahmanov, IM, Tanatarova, ZT, Allanina, LM, Sukhova, EI & Pogrebinskaya, EA 2018, 'Modern Theological Education in Russia European Experience and Development Prospect', *European Journal of Science and Theology*, vol. 14, iss. 6, pp. 183-193.
- Golubtsov, SA 1999, *Moscow Theological Academy in a Revolutionary Era. Academy in the Social Movement and Ministry in the Early 20th Century*, Moscow, 247 p., (in Russian).
- Golubtsov, S 2010, 'The Moscow Theological Academy in the Revolutionary Period (1917-1927)', *Bogoslovskiy vestnik*, no. 11-12, pp. 443-509, (in Russian).
- 'In the Theological Academy' 1917, *Izvestiya Rasporyaditel'nogo komiteta Sergiyeva Posada*, Apr. 6, no. 4, p. 2, (in Russian).
- Kozlov M & Fedorov VA 2000 'Orthodox Spiritual Academies in Russia', in Patriarch Alexy II (ed.), *Orthodox Encyclopedia*, Moscow, vol. 1, pp. 349-352, (in Russian).
- 'Lavra and Soviet Power' 1920, *Trudovaya nedelya*, March 30, no. 13 (88), pp. 5-6, (in Russian).
- Lutjko, EI 2017, 'Historical Research in the Moscow Theological Academy. 1840-1870', *Istoriya: elektronnyi nauchno-obrazovatelnyy zhurnal*, vol. 8, iss. 3 (57), <https://doi.org/10.18254/S0001592-0-1>, (in Russian).
- Odintsov, MI 2007, "Something Sad and Scary". Impressions and Reflections of the Moscow Theological Academy Professor A.D. Belyaev. January – March 1917', *Istoricheskiy arkhiv*, no. 5, pp. 3-38, (in Russian).
- Osipov, AI 1996, 'Three Centuries of the Moscow Theological Academy', *Bogoslovskiy vestnik*, no. 2, pp. 4-18, (in Russian).
- Reshetnikov, E 2017, 'Moscow Theological Academy in the 1917-1918 Academic Year: on the Road to Martyrdom', *Bogoslovskiy vestnik*, vol. 26-27, no. 3-4, pp. 21-41, (in Russian).
- 'The Emergence of the Committee' 1917, *Izvestiya Rasporyaditel'nogo komiteta Sergiyeva Posada*, March 20, no. 1, p. 1, (in Russian).
- Vereisky E 2015, 'Spiritual and Moral Education on the Example of the Moscow Theological Academy', *Dukhovno-nravstvennaya kul'tura v vysshey shkole: materialy XXIII Mezhdunarodnykh obrazovatel'nykh Rozhdestvenskikh chteniy*, Moscow, 475 p., (in Russian).